



Международный пакт о гражданских и политических правах

Distr.: General
7 January 2014
Russian
Original: French

Комитет по правам человека

Сообщение № 1874/2009

Соображения, принятые Комитетом на его 109-й сессии (14 октября – 1 ноября 2013 года)

<i>Представлено:</i>	Рабихой Михуби (представлена Организацией по борьбе с безнаказанностью – ТРИАЛ)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	Нур-Эддин Михуби (сын автора) и сама автор сообщения
<i>Государство-участник:</i>	Алжир
<i>Дата сообщения:</i>	4 марта 2009 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение Специального докладчика в соответствии с правилом 97 правил процедуры, препровожденное государству-участнику 29 апреля 2009 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия Соображений:</i>	18 октября 2013 года
<i>Тема сообщения:</i>	насильственное исчезновение
<i>Процедурный вопрос:</i>	исчерпание внутренних средств правовой защиты
<i>Вопросы существа:</i>	Право на жизнь, запрещение пыток и жестокого и бесчеловечного обращения, право на свободу и неприкосновенность личности, уважение достоинства человеческой личности, признание правосубъектности и право на эффективное средство правовой защиты
<i>Статьи Пакта:</i>	2 (пункт 3), 6, 7, 9 (пункты 1–4), 10 и 16
<i>Статьи Факультативного протокола:</i>	5 (пункт 2 b))

GE.14-40063 (R) 030414 070414



* 1 4 4 0 0 6 3 *

Просьба отправить на вторичную переработку



Приложение

Соображения Комитета по правам человека в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах (109-я сессия)

относительно

Сообщения № 1874/2009*

<i>Представлено:</i>	Рабихой Михуби (представлена Организацией по борьбе с беснаказанностью – ТРИАЛ)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	Нур-Эддин Михуби (сын автора) и сама автор сообщения
<i>Государство-участник:</i>	Алжир
<i>Дата сообщения:</i>	4 марта 2009 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 18 октября 2013 года,

завершив рассмотрение сообщения № 1874/2009, представленного Раби-
хой Михуби в соответствии с Факультативным протоколом к Международному
пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание всю письменную информацию, представленную ему
авторами сообщения и государством-участником,

принимает следующее:

* В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены
Комитета: г-н Ядх Бен Ашур, г-жа Кристина Шане, г-н Ахмад Амин Фатхалла,
г-н Корнелис Флинтерман, г-н Юдзи Ивасава, г-н Вальтер Келин, г-жа Зонке Занеле
Майодина, г-н Кешоу Парсад Матадин, г-н Джеральд Л. Нойман, сэр Найджел Родли,
г-н Виктор Мануэль Родригес-Ресия, г-н Фабиан Омар Сальвиоли, г-жа Аня Зайберт-
Фор, г-н Юваль Шани, г-н Константин Вардзелашвили и г-жа Марго Ватервал.
В соответствии с правилом 90 правил процедуры Комитета член Комитета г-н Лазхари
Бузид не принимал участия в рассмотрении настоящего сообщения.
К настоящим соображениям прилагаются тексты двух особых мнений, выраженных
членами Комитета г-ном Сальвиоли и г-ном Родригесом-Ресией, а также
г-ном Нойманом.

Сообщения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола

1.1 Автором настоящего сообщения, датированного 4 марта 2009 года, является Рабиха Михуби, гражданка Алжира, которая родилась 13 марта 1933 года. Она утверждает, что ее сын Нур-Эддин Михуби, гражданин Алжира, родившийся 15 марта 1962 года, является жертвой нарушения Алжиром пункта 3 статьи 2 и статей 6, 7, 9, 10 и 16 Пакта. Автор также заявляет, что она сама является жертвой нарушения пункта 3 статьи 2 и статьи 7 Пакта. Автор представлена Организацией по борьбе с безнаказанностью (ТРИАЛ).

1.2 4 июня 2009 года Комитет через посредство своего Специального докладчика по новым сообщениям и временным мерам принял решение не рассматривать вопрос о приемлемости сообщения отдельно от существа дела.

Факты в изложении автора

2.1 27 января 1993 года в 16 ч. 00 м. Нур-Эддин Михуби и его брат Хосин Михуби были арестованы в доме последнего в Диссе (Бу-Саада) нарядом городской полиции. На следующий день Хосин Михуби был освобожден. Он сразу же сообщил автору, которая немедленно отправилась в Бу-Сааду. Она безуспешно пыталась получить информацию в органах полиции: их сотрудники отвечали ей, что об аресте Нур-Эддина Михуби им ничего не известно.

2.2 Нур-Эддин Михуби был сначала обнаружен в комиссариате Бу-Саады, где его держали в течение 11 дней, а затем перевели в тюрьму службы безопасности вилайи Алжир. По сведениям, полученным семьей Нур-Эддина Михуби в 1995 году от его бывших сокамерников, вышедших на свободу, он был впоследствии переведен в центр Шатонеф, где тайно содержался в течение 18 месяцев. Эти же источники сообщили, что во время содержания в Шатонеф он подвергался пыткам и что состояние его здоровья в этот период значительно ухудшилось. Позднее его семье уже не удалось ни установить его местонахождение, ни вступить с ним в контакт, ни получить от алжирских властей какую-либо новую информацию.

2.3 Автор обратилась к прокурору Бу-Саады с жалобой на похищение сына. В рамках рассмотрения этой жалобы 22 июля 1996 года, три с половиной года спустя после исчезновения Нур-Эддина Михуби, заместитель прокурора Бу-Саады непосредственно признал, что органы безопасности округа Бу-Саада действительно произвели арест Нур-Эддина Михуби и что 7 февраля 1993 года он был передан органам безопасности вилайи Алжир. Тем не менее в результате инициированного прокуратурой расследования не удалось получить никакой информации о том, где он может находиться, что могло с ним произойти в период содержания в органах безопасности и каковы причины его ареста.

2.4 Мохамед Михуби, отец Нур-Эддина Михуби, также обращался к прокурору Алжира с заявлением о похищении сына. Кроме того, он направил письма в многочисленные органы национальной власти, способные оказать ему помощь, в том числе президенту Республики и министру юстиции. Не получив ответа от соответствующих властей, 21 октября 1995 года г-н Михуби снова обратился к прокурору Алжира, к министру юстиции и к президенту Республики, но это опять не дало результатов.

2.5 Затем семья Михуби направила запрос об установлении местонахождения сына в Национальный центр по правам человека (НЦПЧ), но в ответном письме от 12 мая 1996 года получила лишь информацию о том, что Нур-Эддин Михуби

находится в розыске согласно ордеру на арест № 25/93, выданному органами прокуратуры, и распоряжению о проведении расследования № 143/93, вынесенному Специальным судом 31 марта 1993 года, т.е. через два месяца после его ареста.

2.6 16 января 2000 года органы безопасности округа Буруба направили автору повестку, в которой ей без изложения каких-либо мотивов предлагалось явиться на следующий день в Генеральную инспекцию Главного управления национальной безопасности Алжира. Оказалось, что у нее, как у матери исчезнувшего лица, требовалось взять показания относительно похищения и исчезновения сына. После этого членам семьи больше не поступало ни обращений в связи с проведением расследования, ни какой-либо информации о ходе следственных действий.

2.7 Когда в стране была учреждена Национальная консультативная комиссия по поощрению и защите прав человека (НККПЗПЧ), пришедшая на смену НЦПЧ, члены семьи Михуби обратились и в эту комиссию. Их жалоба, зарегистрированная 28 сентября 2002 года, также не дала возможности пролить свет на судьбу исчезнувшего лица.

2.8 С другой стороны, дело Нур-Эддина Михуби было направлено в Рабочую группу по насильственным или недобровольным исчезновениям, которая обратилась к Алжиру с просьбой провести соответствующую оперативно-розыскную работу. Однако на сегодняшний день государство-участник не предприняло никаких мер по выполнению этой просьбы и не представило никакой информации по данному делу.

2.9 9 марта 2006 года семья Михуби начала процедуру признания исчезнувшего лица умершим, предусмотренную Постановлением № 06-01 от 27 февраля 2006 года об осуществлении Хартии за мир и национальное примирение, в результате которой 12 апреля 2007 года Управлением национальной жандармерии Бурубы (Алжир) было выдано свидетельство об исчезновении Нур-Эддина Михуби.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что ее сын стал жертвой насильственного исчезновения в нарушение пункта 3 статьи 2, пункта 1 статьи 6, статьи 7, пунктов 1–4 статьи 9, пункта 1 статьи 10 и статьи 16 Пакта. Автор далее утверждает, что она сама является жертвой нарушения статьи 7, рассматриваемой отдельно или в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта.

3.2 За арестом Нур-Эддина Михуби, произведенным должностными лицами государства-участника, последовало непризнание факта его лишения свободы и сокрытие информации о его дальнейшей судьбе. Его длительное отсутствие, а также обстоятельства и обстановка, в который производился арест, дают основания полагать, что он умер в период содержания под стражей. Ссылаясь на замечание общего порядка № 6 (1982 год) Комитета относительно статьи 6, автор утверждает, что тайное содержание под стражей сопряжено с повышенным риском нарушения права на жизнь, поскольку потерпевший находится во власти надзирателей, которые в силу сложившихся обстоятельств не подлежат никакому надзору. Даже если предположить, что исчезновение данного лица не привело к наихудшему исходу, та угроза, которая в данный момент нависла над жизнью потерпевшего, является нарушением статьи 6, поскольку государство не выполнило своей обязанности по защите основного права на жизнь. Это нарушение усугубляется тем фактом, что государство-участник не приложило ника-

ких усилий для проведения расследования о судьбе Нур-Эддина Михуби. Поэтому автор считает, что государство-участник нарушило статью 6, рассматриваемую отдельно или в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта.

3.3 Ссылаясь на практику Комитета, автор заявляет, что сам факт совершения насильственного исчезновения является элементом бесчеловечного или унижающего достоинство обращения. Так, например, чувство тревоги и страдания, вызванные бессрочным содержанием Нур-Эддина Михуби под стражей без контакта с семьей и внешним миром, равносильны обращению, противоречащему статье 7 Пакта. Кроме того, в период содержания Нур-Эддина Михуби в центре Шатонеф его, очевидно, пытали. Все бывшие арестанты центра Шатонеф сообщили, что в этом центре они подвергались пыткам, присутствовали при пытках своих сокамерников и пережили подлинные страдания. Поэтому представляется вполне вероятным, что Нур-Эддина Михуби, проведшего там больше года, постигла та же участь. К тому же несколько его бывших сокамерников сообщили членам его семьи о том, что надзиратели подвергали его жестоким издевательствам, которые должны квалифицироваться в качестве пытки. Они также сообщили, что от перенесенных издевательствах состояние его здоровья существенно ухудшилось. Кроме того, автор считает, что исчезновение ее сына являлось и продолжает являться для нее самой и для ее близких парализующим, болезненным и вызывающим тревогу испытанием, поскольку семье исчезнувшего ничего не известно о его судьбе, а если он скончался – то об обстоятельствах его смерти и месте его захоронения. Ссылаясь на практику Комитета¹, автор приходит к выводу, что государство-участник также нарушило ее права по статье 7, рассматриваемой отдельно или в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта.

3.4 Автор отмечает, что органы власти, к которым обращалась семья Михуби, отрицали, что потерпевший находится у них под стражей. И лишь в июле 1996 года прокурор, наконец, признал факт ареста и задержания Нур-Эддина Михуби, но при этом не проинформировал его близких ни о месте его содержания под стражей, ни о его судьбе. Семье стало известно о его переводе в центр Шатонеф из косвенного, неофициального источника. На основании этого автор утверждает, что государство-участник действовало в нарушение пункта 1 статьи 9 Пакта, поскольку Нур-Эддин Михуби был арестован 27 января 1993 года без судебного ордера и не был информирован о причинах своего ареста. Ни одному из членов его семьи не удалось ни увидеться, ни пообщаться с Нур-Эдином Михуби с тех пор, как его брат вышел на свободу. В нарушение пункта 2 статьи 9 потерпевшего так и не уведомили о выдвинутых против него уголовных обвинениях. Кроме того, он не был доставлен в суд или в другой судебный орган ни в течение предусмотренного законом срока задержания, ни по окончании этого срока. В документе, который был составлен прокурором суда Бу-Саады, не указано, что Нур-Эддин Михуби был доставлен в прокуратуру до его передачи органам безопасности Алжира, хотя он провел под стражей 11 дней. В любом случае автор напоминает о том, что тайное содержание под стражей само по себе может привести к нарушению пункта 3 статьи 9, и приходит к выводу, что в отношении ее сына это положение было нарушено. Наконец, будучи лишен защиты закона в течение всего периода содержания под стражей, продолжительность которого до сих пор не определена, Нур-Эддин Михуби не имел никакой возможности подать жалобу, чтобы оспорить правомерность своего за-

¹ Сообщение № 959/2000, *Базаров против Узбекистана*, Соображения, принятые 14 июля 2006 года, пункт 8.5.

держания, или обратиться к судье с ходатайством об освобождении, что является нарушением пункта 4 статьи 9 Пакта.

3.5 Автор заявляет, что, поскольку ее сына тайно держали под стражей, ему не было обеспечено гуманного обращения и уважения достоинства, присущего человеческой личности, что является нарушением пункта 1 статьи 10 Пакта.

3.6 Автор далее указывает, что, став жертвой насильственного исчезновения, Нур-Эддин Михуби оказался лишенным защиты закона в нарушение статьи 16 Пакта.

3.7 Автор сообщает, что, поскольку все предпринятые ею действия для получения информации о судьбе сына ни к чему не привели, государство-участник нарушило свои обязательства по гарантированию Нур-Эддину Михуби эффективного средства правовой защиты, поскольку оно могло бы провести тщательное и оперативное расследование по делу о его исчезновении и информировать семью и результаты расследования. Отсутствие эффективного средства правовой защиты является тем более очевидным, что в стране была объявлена полная и общая амнистия, проведенная после введения в действие 27 февраля 2006 Постановления № 06-01 об осуществлении Хартии за мир и национальное примирение, которое под страхом тюремного заключения запрещает обращаться с иском в суд, чтобы пролить свет на наиболее тяжкие преступления, такие как насильственные исчезновения, тем самым обеспечивая безнаказанность лиц, виновных в нарушениях. Этот закон об амнистии нарушает обязательство государства проводить расследования тяжких преступлений прав человека и право жертв на эффективное средство правовой защиты. Автор приходит к выводу о нарушении государством-участником пункта 3 статьи 2 Пакта в отношении ее самой и ее сына.

3.8 Относительно исчерпания внутренних средств правовой защиты автор подчеркивает, что все действия, предпринятые автором и ее семьей, оказались тщетными. Члены семьи неоднократно обращались с просьбами во все инстанции, которые способны оказать им помощь, включая НЦПЧ (впоследствии – НККПЗПЧ), министра юстиции и президента Республики. Ни одна из этих инстанций не ответила на их запросы, несмотря на то, что в июле 1996 года судебные власти признали, что Нур-Эддин Михуби действительно был арестован и содержался под стражей в органах безопасности округа Бу-Саада. В то же время семья Михуби всегда действовала дисциплинированно: получая повестки, автор являлась для дачи показаний. Однако следственные действия так и не позволили пролить свет на судьбу Нур-Эддина Михуби. Выводы, которые были препровождены семье потерпевшего, являются не только неполными, но и нелепыми, поскольку в письме НЦПЧ от 12 мая 1996 года указано, что в отношении Нур-Эддина Михуби был выдан ордер на арест, хотя он уже в течение двух месяцев содержался под стражей в органах безопасности. Поэтому, исходя из вышеизложенного, приходится признать, что все действия, предпринятые семьей Михуби, оказались безрезультатными и не привели к удовлетворению их интересов.

3.9 В дополнение к этому автор утверждает, что после принятия вышеупомянутого Постановления № 06-01 она по закону оказалась лишена возможности обратиться в какой-либо судебный орган, и если ранее те средства, которые были использованы, оказывались бесполезными и неэффективными, то с этого момента они стали недоступными.

Замечания государства-участника

4.1 29 мая 2009 года государство-участник оспорило приемлемость данного сообщения в "Справочном меморандуме о неприемлемости сообщений, представляемых в Комитет по правам человека в связи с осуществлением Хартии за мир и национальное примирение". Оно считает, что сообщения о предполагаемой ответственности государственных должностных лиц или других лиц, действующих от имени органов государственной власти, за случаи насильственных исчезновений, происходивших в течение рассматриваемого периода, а именно в 1993–1998 годах, должны рассматриваться в более общем контексте с учетом социально-политической ситуации и уровня безопасности в стране в период, когда правительство вело борьбу с терроризмом.

4.2 В указанный период правительство боролось с неформальными группами. В связи с этим некоторые мероприятия проводились бессистемно и в тех местах, где присутствовало гражданское население, которому было трудно отличить действия террористических групп от действий правоохранительных органов. Поэтому государство-участник считает, что случаи насильственных исчезновений могут быть обусловлены различными причинами, однако в них нельзя обвинять правительство. Судя по информации, полученной из различных независимых источников, все исчезновения, произошедшие в Алжире в рассматриваемый период, можно отнести к одному из шести типовых случаев, ни за один из которых государство не несет ответственности. В первом случае государство-участник упоминает лиц, об исчезновении которых заявляли их близкие, но которые на самом деле уходили в подполье по своей воле, чтобы присоединиться к вооруженным группировкам, попросив свои семьи заявить о том, что они были арестованы службами безопасности, чтобы "замести следы" и избежать "преследования" со стороны полиции. Во втором случае лица, объявленные исчезнувшими после того, как они были арестованы службами безопасности, уходили в подполье после своего освобождения. В третьем случае исчезнувшие лица были похищены членами вооруженных группировок, которых ошибочно принимали за военнослужащих или сотрудников служб безопасности, поскольку они не называли себя или же пользовались похищенной униформой или удостоверениями полицейских или военнослужащих. В четвертом случае соответствующие лица по собственной инициативе решали оставить своих близких, а иногда даже покинуть страну из-за личных проблем или семейных споров. В пятом случае лица, которых объявили исчезнувшими их семьи, в действительности являлись находившимися в розыске террористами, которые были убиты и похоронены в местах действия боевиков в результате того или иного конфликта между соперничающими вооруженными группировками. Наконец, государство-участник упоминает о шестом типовом случае, когда исчезнувшие лица на самом деле проживали на территории страны или за границей под другим именем и по поддельным документам, изготовленным преступными группами.

4.3 Государство-участник подчеркивает, что, учитывая разнообразие и сложность ситуаций, охватываемых общим понятием "исчезновение", законодательные органы Алжира после проведения референдума по Хартии за мир и национальное примирение предложили рассматривать вопрос об исчезнувших лицах в рамках глобального подхода, предполагающего взятие на себя заботы обо всех исчезнувших в ходе "национальной трагедии" лицах, оказание помощи всем жертвам для преодоления этого испытания и предоставление всем жертвам исчезновений и их правопреемникам права на возмещение ущерба. Согласно статистическим отчетам Министерства внутренних дел, было заявлено о 8 023 случаях исчезновения, рассмотрено 6 774 дела, принято для возмещения

ущерба 5 704 дела, отклонено 934 дела, а еще 136 дел находятся на стадии рассмотрения. Всем жертвам в порядке возмещения ущерба было выплачено в общей сложности 371 459 390 алжирских динаров. Помимо этого, 1 320 824 683 алжирских динара было ассигновано на выплату ежемесячных пенсий.

4.4 Государство-участник также утверждает, что внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны. Оно отмечает, что, как следует из заявлений автора, она адресовала письма в политические или административные органы, направляла жалобы в консультативные или посреднические инстанции и обратилась с жалобой к работникам прокуратуры, по сути не начиная обжалования в судебном порядке или не доводя его до конца с использованием всех имеющихся процедур обжалования – как апелляционного, так и кассационного. Из всех перечисленных инстанций лишь органы прокуратуры по закону имеют право возбуждать предварительное расследование и передавать дело следственному судье. В алжирской системе правосудия прокурор Республики принимает жалобы и при необходимости возбуждает уголовное преследование. В то же время для защиты прав потерпевшего или его правопреемников в Уголовно-процессуальном кодексе предусмотрено, что последние могут воспользоваться процедурой обжалования с подачей гражданского иска непосредственно следственному судье. В этом случае именно потерпевший, а не прокурор, направляет заявление следственному судье с ходатайством о возбуждении уголовного дела. Это средство правовой защиты, предусмотренное в статьях 72 и 73 Уголовно-процессуального кодекса, не было использовано, хотя это позволило бы возбудить уголовное дело и обязать следственного судью провести расследование, даже если бы прокуратура приняла иное решение.

4.5 Кроме того, государство-участник отмечает, что, по мнению авторов, после принятия в результате референдума Хартии за мир и национальное примирение и предписаний по ее применению, в частности статьи 45 Постановления № 06-01, уже нельзя считать, что в Алжире имеются эффективные внутренние средства правовой защиты для семей жертв исчезновения. На этом основании авторы сочли себя избавленными от обязанности обращаться в компетентные судебные органы, предпринимая их позицию и их оценку в связи с применением этого постановления. Однако авторы не могут ссылаться на данное постановление и предписания по его применению, чтобы освободить себя от соблюдения требования в отношении использования имеющихся судебных процедур. Государство-участник напоминает о практике Комитета, согласно которой уверенность или субъективная презумпция какого-либо лица в отношении бесполезности обращения за юридической помощью не освобождает это лицо от необходимости исчерпания всех внутренних средств правовой защиты².

4.6 Далее государство-участник обращает внимание на характер, основы и содержание Хартии за мир и национальное примирение, а также документов по ее применению. Оно подчеркивает, что в соответствии с принципом неотъемлемости мира, ставшим первоосновой международного права на мир, Комитету нужно следить за поддержанием и укреплением мира и способствовать национальному примирению, чтобы позволить государствам, в которых возникли внутренние кризисы, укреплять свой потенциал. Стремясь к достижению национального примирения, государство-участник приняло Хартию, предусмотрев в законе о ее применении юридические меры по прекращению уголовных дел и замене или смягчению наказания для всех лиц, которые виновны в совер-

² Государство-участник ссылается на сообщения № 210/1986 и 225/1987, *Прайтт и Морган против Ямайки*, Соображения, принятые 6 апреля 1989 года.

шении террористических актов или на которых распространяются положения, касающиеся гражданских беспорядков, за исключением лиц, совершивших массовые убийства или изнасилования, устраивавших взрывы в общественных местах или причастных к совершению таких актов. В этом постановлении предусмотрены также меры по оказанию содействия в случаях, связанных с исчезновением людей, посредством судебной процедуры признания исчезнувшего лица умершим, которая позволяет правопреемникам такого лица получить компенсацию в качестве жертв "национальной трагедии". Кроме того, были предусмотрены социально-экономические меры, в частности меры по оказанию помощи в профессиональной реинтеграции или по выплате компенсации всем лицам, являющимся жертвами "национальной трагедии". Наконец, в данном постановлении предусмотрены политические меры, в том числе запрет на политическую деятельность для любого лица, которое способствовало "национальной трагедии", используя религиозные мотивы, а также объявление недопустимым всякого преследования в индивидуальном или коллективном порядке сотрудников сил обороны и безопасности Республики всех категорий за действия, совершенные в целях обеспечения безопасности людей и их имущества, защиты нации и сохранения учреждений Республики.

4.7 Суверенный народ Алжира, как сообщает государство-участник, согласился встать на путь национального примирения, которое является единственным средством для исцеления его ран. Провозглашение Хартии свидетельствует о стремлении избегать судебных споров, разоблачений со стороны средств массовой информации и сведения политических счетов. В связи с этим государство-участник полагает, что факты, упомянутые авторами, охвачены глобальным внутренним механизмом урегулирования, предусмотренным в Хартии.

4.8 Государство-участник просит Комитет констатировать сходство фактов и ситуаций, описанных автором, принять во внимание социально-политическое положение и уровень безопасности того периода, когда они имели место; сделать вывод о том, что авторы не исчерпали внутренние средства правовой защиты; признать, что власти государства-участника разработали внутренний механизм для рассмотрения и глобального урегулирования случаев, о которых говорится в сообщениях, в соответствии с положениями о мире и национальном примирении, которые согласуются с принципами Устава Организации Объединенных Наций, а также соответствующих пактов и конвенций; объявить сообщение неприемлемым и предложить автору убедительнее обосновать свою жалобу.

Комментарии автора сообщения по замечаниям государства-участника

5.1 В своих комментариях от 25 апреля 2013 года автор указывает, что факт принятия государством-участником внутренних мер законодательного и административного характера для взятия на себя расходов, связанных с жертвами "национальной трагедии", не может приводиться на стадии решения вопроса о приемлемости сообщения в качестве основания для лишения отдельных лиц, находящихся под его юрисдикцией, права использовать механизм, предусмотренный в Факультативном протоколе к Пакту. В данном случае принятые меры законодательного характера представляют собой нарушение прав, предусмотренных в Пакте, что уже было отмечено Комитетом³.

³ Комитет по правам человека, заключительные замечания, принятые 1 ноября 2007 года, Алжир, CCPR/C/DZA/CO/3, пункты 7, 8 и 13; сообщение № 1588/2007, *Дауида Беназиза против Алжира*, Соображения, принятые 26 июля 2010 года,

5.2 Автор напоминает, что введение в Алжире 9 февраля 1992 года чрезвычайного положения никак не влияет на право лиц на подачу индивидуальных сообщений в Комитет. Поэтому автор считает, что доводы государства-участника относительно уместности сообщения не являются убедительным аргументом в пользу его признания неприемлемым.

5.3 Что касается аргумента государства-участника о том, что в соответствии с требованием об исчерпании внутренних средств правовой защиты автор обязан ходатайствовать о возбуждении уголовного дела путем подачи следственному судье жалобы с одновременным предъявлением гражданского иска согласно статье 72 и последующим статьям Уголовно-процессуального кодекса, то автор ссылается на практику Комитета⁴ и считает, что в случае таких серьезных правонарушений, о которых говорится в ее сообщении, подачу гражданского иска нельзя приводить в качестве оправдания для невозбуждения уголовного дела, которое государство-участник должно возбуждать *ex officio*. Как судебные, так и государственные органы были информированы об исчезновении Нур-Эддина Михуби, однако обстоятельства его исчезновения и его нынешняя судьба до сих пор не прояснены. Государство-участник не выполнило своей обязанности по проведению расследования и разбирательства каждого серьезного нарушения прав человека.

5.4 В ответ на аргумент государства-участника о том, что "уверенность или субъективная презумпция" не освобождает автора сообщения от необходимости исчерпания всех внутренних средств правовой защиты, автор ссылается на статьи 45 и 46 Постановления № 06-01. Государству-участнику не удалось убедительно показать, как подача жалобы с предъявлением гражданского иска позволила бы компетентным судебным органам не только принять к рассмотрению поданную жалобу и провести по ней соответствующее расследование, что повлекло бы за собой нарушение статьи 45 Постановления, но и защитить автора от применения статьи 46 Постановления. Анализ этих положений позволяет объективно сделать вывод о том, что любая жалоба на нарушения, жертвами которых стали автор и ее сын, не только была бы объявлена неприемлемой, но и повлекла бы за собой уголовное наказание подавшего ее лица. Автор отмечает, что государство-участник не привело ни одного примера дела, рассмотрение которого, несмотря на существование вышеупомянутого постановления, завершилось бы реальным привлечением к ответственности лиц, виновных в нарушениях прав человека в случае, аналогичном рассматриваемому сообщению.

5.5 Относительно существа сообщения автор отмечает, что государство-участник ограничилось лишь перечислением в общем виде возможных обстоятельств исчезновения жертв "национальной трагедии". Эти общие замечания никак не опровергают факты, изложенные в настоящем сообщении. К тому же они сформулированы точно таким же образом, как и в отношении других дел, что свидетельствует о том, что государство-участник по-прежнему не намерено рассматривать эти дела в индивидуальном порядке и в случае с автором настоящего сообщения отреагировать на те страдания, которые пришлось перенести ей самой и ее семье.

пункт 9.2. См. также Комитет против пыток, заключительные замечания, принятые 13 мая 2008 года, Алжир, CAT/C/DZA/CO/3, пункты 11, 13 и 17.

⁴ Сообщение № 1588/2007, *Беназиза против Алжира*, Соображения, принятые 27 июля 2010 года, пункт 8.3.

5.6 Автор призывает Комитет признать ее утверждения достаточно обоснованными с учетом того, что она не может представить дополнительную информацию для обоснования своего сообщения, поскольку точной информацией о судьбе соответствующего лица обладает только государство-участник.

5.7 Автор считает, что отсутствие замечаний относительно существования сообщения со стороны государства-участника свидетельствует о его молчаливом признании подлинности изложенных фактов. Такое молчание со стороны государства-участника означает признание невыполнения его обязанности в отношении проведения расследования случая исчезновения, доведенного до его сведения; иначе оно было бы в состоянии предоставить подробный ответ о результатах следственных действий, которые оно было обязано осуществить. Что касается существа, то автор поддерживает все утверждения, изложенные в ее первоначальном сообщении.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Прежде всего, Комитет напоминает, что решение Специального докладчика о том, чтобы не проводить раздельного рассмотрения вопроса о приемлемости сообщения и вопросов его существования, не исключает возможности раздельного рассмотрения этих вопросов Комитетом, а совместное рассмотрение вопросов приемлемости и существования не означает одновременности их рассмотрения. Следовательно, прежде чем рассматривать любую жалобу, изложенную в сообщении, Комитет в соответствии с правилом 93 своих правил процедуры должен определить, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 В соответствии с пунктом 2 а) статьи 5 Факультативного протокола Комитет должен удостовериться в том, что этот вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования. Он отмечает, что информация об исчезновении Нур-Эддина Михуби была доведена до сведения Рабочей группы по насильственным или недобровольным исчезновениям. При этом он напоминает, что внедоговорные процедуры или механизмы, созданные Комиссией по правам человека или Советом по правам человека, мандат которых состоит в изучении положения в области прав человека в той или иной стране или территории или широкомасштабных нарушений прав человека в мире и подготовке соответствующих открытых докладов, как правило, не являются международными процедурами разбирательства или урегулирования по смыслу пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола⁵. Поэтому Комитет считает, что рассмотрение дела Нур-Эддина Михуби Рабочей группой по насильственным или недобровольным исчезновениям не означает, что сообщение является неприемлемым на основании этого положения.

6.3 Комитет отмечает, что, по мнению государства-участника, автор не исчерпала внутренние средства правовой защиты, поскольку она не рассматривала возможность подачи гражданского иска следственному судье в соответствии со статьями 72 и 73 Уголовно-процессуального кодекса. Кроме того, Комитет отмечает, что, по утверждению государства-участника, автор ограничивалась направлением писем в политические и административные органы, обращением в консультативные или посреднические органы и подачей жалоб работникам

⁵ Сообщение № 1781/2008, *Джебруни против Алжира*, Соображения, принятые 31 октября 2011 года, пункт 7.2.

прокуратуры, фактически не начав процедуру обжалования в судебном порядке и не доведя ее до конца с использованием всех имеющихся возможностей обжалования в порядке апелляции. В этой связи Комитет указывает, что на следующий день после ареста Нур-Эддина Михуби автор обратилась в органы полиции Бу-Саады, но это не дало результата. Затем она подала на имя прокурора Бу-Саады жалобу в связи с похищением сына, после чего было официально признано, что органы безопасности округа Бу-Саада произвели арест Нур-Эддина Михуби, который затем был передан органам безопасности вилайи Алжир 7 февраля 1993 года. Семья также обращалась к прокурору Алжира и направляла многочисленные запросы представителям правительства государства-участника, НЦПЧ и его преемнику, но все это оказалось безрезультатным: ни одно из предпринятых действий не привело ни к реальному расследованию, ни к преследованию и наказанию виновных лиц.

6.4 Комитет напоминает о том, что государство-участник обязано не только проводить тщательные расследования предполагаемых нарушений прав человека, доведенных до сведения соответствующих органов, в частности, когда речь идет о насильственных исчезновениях или посягательствах на право на жизнь, но и привлекать к уголовной ответственности любых лиц, которые могут быть виновными в этих нарушениях, осуществлять судебное разбирательство и назначать наказание этим лицам⁶. Автор неоднократно направляла в компетентные органы информацию об исчезновении сына, но государство-участник так и не провело тщательного и методичного расследования, хотя речь шла о серьезном обвинении в насильственном исчезновении. С другой стороны, государство-участник не предоставило никакой информации, позволяющей прийти к выводу о фактическом предоставлении возможностей для использования эффективных и доступных средств правовой защиты, причем Постановление № 06-01 от 27 февраля 2006 года по-прежнему применяется, несмотря на то, что Комитетом были вынесены рекомендации о его приведении в соответствие с положениями Пакта⁷. Кроме того, в связи с неточным характером формулировок статей 45 и 46 указанного постановления и тем фактом, что государство-участник не представило убедительной информации, касающейся их толкования и применения на практике, опасения в отношении последствий подачи жалобы, выраженные автором сообщения, можно считать обоснованными. Комитет напоминает, что в целях признания приемлемости сообщения авторы должны исчерпать только те средства правовой защиты, которые позволяют урегулировать ситуацию, возникшую в связи с предполагаемым нарушением, в данном случае – с указанным насильственным исчезновением. Кроме того, ссылаясь на свою практику, Комитет вновь заявляет, что подача гражданского иска в случае таких серьезных правонарушений, о которых заявлено в настоящем сообщении, не может заменить преследование, которое должно быть возбуждено самим прокурором Республики⁸. Комитет приходит к выводу, что пункт 2 b) статьи 5 Факультативного протокола не является препятствием для признания настоящего сообщения приемлемым.

6.5 Комитет считает, что автору сообщения удалось достаточно обосновать свои утверждения в той мере, в какой они вызывают вопросы по статьям 6, 7, 9, 10 и 16 и по пункту 3 статьи 2 Пакта, и поэтому приступает к рассмотрению сообщения по существу.

⁶ См., в частности, сообщение № 1905/2009, *Уаглисси против Алжира*, Соображения, принятые 26 марта 2012 года, пункт 6.4.

⁷ CCPR/C/DZA/CO/3, пункты 7, 8 и 13.

⁸ См., в частности, *Уаглисси против Алжира* (сноска 6 выше), пункт 6.4.

Рассмотрение сообщения по существу

7.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение с учетом всех сведений, представленных ему сторонами, в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

7.2 В ответ на серьезные жалобы, поданные автором сообщения, государство-участник представило замечания коллективного и общего характера и ограничилось утверждением о том, что сообщения, в которых ответственность за случаи насильственных исчезновений, произошедших в период 1993–1998 годов, возлагается на государственных должностных лиц или на лиц, действовавших от имени органов государственной власти, должны рассматриваться в более общем контексте с учетом социально-политического положения и условий безопасности в стране в период, когда правительство вело борьбу с терроризмом. Комитет отмечает, что в соответствии с Пактом государство-участник должно проявлять заботу о судьбе каждого человека и относиться к каждому с уважением достоинства, присущего человеческой личности. Комитет вновь ссылается на свою практику⁹ и напоминает, что государство-участник не может противопоставлять положения Хартии за мир и национальное примирение аргументам лиц, которые ссылаются на положения Пакта или которые направили или могли бы направить сообщения Комитету. Без внесения рекомендованных Комитетом поправок Постановление № 06-01, как представляется, способствует поощрению безнаказанности и поэтому в его нынешнем виде не может быть совместимо с положениями Пакта¹⁰.

7.3 Комитет отмечает, что государство-участник не ответило на заявления авторов по существу дела, и напоминает о своих прошлых решениях¹¹, в соответствии с которыми бремя доказывания не должно возлагаться исключительно на автора сообщения, тем более что автор и государство-участник не всегда имеют равный доступ к доказательствам и зачастую только государство-участник располагает необходимой информацией. Из пункта 2 статьи 4 Факультативного протокола следует, что государство-участник обязано проводить добросовестное расследование всех выдвинутых против него и его представителей обвинений в нарушении Пакта и передать Комитету имеющуюся у него информацию¹². Поскольку государство-участник не представило Комитету никаких пояснений по этому вопросу, он соглашается признать утверждения автора заслуживающими доверия, так как они являются достаточно обоснованными.

7.4 Комитет отмечает, что, согласно сообщению автора, ее сын исчез после того, как был арестован 27 января 1993 года, и что, хотя власти признали факт его ареста, ими не было проведено эффективного расследования для выяснения его дальнейшей судьбы. Он принимает к сведению утверждение автора о том, что шансы обнаружить Нур-Эддина Михуби живым являются ничтожными и что его длительное отсутствие дает основания полагать, что он скончался в период содержания под стражей; что тайное содержание под стражей сопряжено с повышенным риском нарушения права на жизнь, поскольку потерпевший находится во власти надзирателей, которые в силу сложившихся обстоятельств не

⁹ См., в частности, *Джебруни против Алжира* (сноска 5 выше), пункт 8.2; и *Уаглисси против Алжира* (сноска 6 выше), пункт 7.2.

¹⁰ См. CCPR/C/DZA/CO/3, пункт 7 а).

¹¹ См., в частности, сообщение № 1791/2008, *Буджемай против Алжира*, Соображения, принятые 22 марта 2013 года, пункт 8.3.

¹² См., в частности, сообщение № 1297/2004, *Меджун против Алжира*, Соображения, принятые 14 июля 2006 года, пункт 8.3.

подлежат никакому надзору. Комитет констатирует, что государство-участник не представило никакой информации, позволяющей опровергнуть эти утверждения. Следовательно, Комитет делает вывод о том, что государство-участник не выполнило своего обязательства по защите жизни Нур-Эддина Михуби, нарушив пункт 1 статьи 6 Пакта¹³.

7.5 Комитет признает ту степень страданий, которую вызывает содержание под стражей без связи с внешним миром в течение неопределенного периода времени. Он напоминает о своем замечании общего порядка № 20 (1992 год) относительно статьи 7, в котором государствам-участникам рекомендуется принять меры по запрещению тайного содержания под стражей. Комитет отмечает, что, по утверждению автора, Нур-Эддин Михуби был арестован сотрудниками полиции Бу-Саады 27 января 1993 года в Диссе (Бу-Саада), в доме своего брата, который в тот день тоже был арестован. Некоторые из его бывших сокамерников, впоследствии оказавшиеся на свободе, сообщили, что его пытали надзиратели центра Шатонеф. Поскольку государство-участник не представило Комитету никаких пояснений по этому вопросу, Комитет констатирует множественное нарушение статьи 7 Пакта в отношении Нур-Эддина Михуби¹⁴.

7.6 Комитет также принимает к сведению тревогу и беспокойство, которые испытывает по поводу исчезновения Джиллалы Ларби его мать – автор сообщения. Он считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении статьи 7 Пакта в отношении автора сообщения¹⁵.

7.7 Что касается жалоб на нарушение статьи 9, то Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что Нур-Эддин Михуби был арестован сотрудниками полиции 27 января 1993 года без каких-либо объяснений; что после ареста он был доставлен в комиссариат Бу-Саады, где предположительно содержался под стражей в течение 11 дней, а затем передан органам безопасности вилайи Алжир. Согласно информации, которая была впоследствии получена семьей потерпевшего, позднее Нур-Эддин Михуби был переведен в центр Шатонеф, где его тайно держали под стражей 18 месяцев и подвергали пыткам. С тех пор власти государства-участника не предоставили семье Нур-Эддина Михуби никакой информации о его судьбе. Хотя из письма НЦПЧ от 12 мая 1996 года, адресованного его семье, следует, что Нур-Эддин Михуби находился в розыске на основании ордера на арест, выданного Особым судом 31 марта 1993 года, т.е. через два месяца после его ареста, ему не предъявили никакого обвинения и не доставили в суд, где он мог бы оспорить правомерность своего ареста; с другой стороны, хотя в июле 2006 года прокурор Бу-Саады признал факт ареста и содержания под стражей Нур-Эддина Михуби, ни автор сообщения, ни ее семья не получили никакой официальной информации ни о месте содержания потерпевшего, ни о его судьбе. В отсутствие убедительных разъяснений со стороны государства-участника Комитет приходит к выводу о нарушении статьи 9 в отношении Нур-Эддина Михуби¹⁶.

¹³ Сообщение № 1831/2008, *Ларби против Алжира*, Соображения, принятые 25 июля 2013 года, пункт 8.4.

¹⁴ См., в частности, сообщение № 1295/2004, *Эль-Авани против Ливийский Арабской Джамахирии*, Соображения, принятые 11 июля 2007 года, пункт 6.5, и сообщение № 1422/2005, *Эль-Хасси против Ливийской Арабской Джамахирии*, Соображения, принятые 24 октября 2007 года, пункт 6.2.

¹⁵ См., в частности, *Уаглисси против Алжира* (сноска 6 выше), пункт 7.6, и *Джебруни против Алжира* (сноска 5 выше), пункт 8.6.

¹⁶ См., в частности, *Уаглисси против Алжира*, пункт 7.7, и *Джебруни против Алжира*, пункт 8.7.

7.8 Относительно жалобы по пункту 1 статьи 10 Комитет вновь заявляет, что лица, лишённые свободы, не должны испытывать иных лишений и тягот, помимо тех, которые являются результатом лишения свободы, и что необходимо соблюдать их право на гуманное обращение и на уважение их достоинства. Приняв во внимание факт тайного содержания Нур-Эддина Михуби под стражей и то обстоятельство, что государство-участник не представило информации по этому вопросу, Комитет делает вывод о нарушении пункта 1 статьи 10 Пакта в отношении Нур-Эддина Михуби¹⁷.

7.9 В отношении жалобы на нарушение статьи 16 Комитет вновь ссылается на свою постоянную практику, согласно которой факт преднамеренного лишения какого-либо лица защиты закона на продолжительный период времени может представлять собой отказ в признании лица субъектом права, если жертва находилась в руках сотрудников государственных органов в то время, когда ее видели в последний раз, и если ее близким систематически мешают получить доступ к потенциально эффективным средствам правовой защиты, в том числе судебным (пункт 3 статьи 2 Пакта)¹⁸. В данном случае Комитет отмечает, что после ареста Нур-Эддина Михуби, произведенного 27 января 1993 года, государство-участник не предоставило членам его семьи никакой информации о его судьбе, несмотря на их многочисленные обращения в различные инстанции государства-участника. Комитет делает вывод о том, что насильственное исчезновение Нур-Эддина Михуби, произошедшее более 20 лет назад, лишило его защиты закона и права на признание его правосубъектности, что является нарушением статьи 16 Пакта.

7.10 Автор ссылается на пункт 3 статьи 2 Пакта, в соответствии с которым государства-участники обязаны обеспечить любому лицу, права которого, признаваемые в Пакте, могли быть нарушены, эффективное средство правовой защиты. Комитет придает большое значение созданию государствами-участниками надлежащих судебных и административных механизмов для рассмотрения жалоб на нарушения этих прав. Он напоминает о своем замечании общего порядка № 31 (2004 год), в котором, в частности, указано, что непринятие государством-участником мер для проведения расследования в связи с жалобами на нарушения может само по себе рассматриваться как отдельное нарушение Пакта. В данном случае семья потерпевшего неоднократно сообщала об исчезновении Нур-Эддина Михуби компетентным органам, в том числе судебным инстанциям, таким как прокуроры Алжира и Бу-Саады, но все ее действия оказались безрезультатными: государством-участником не было проведено никакого углубленного и тщательного расследования в связи с исчезновением Нур-Эддина Михуби, хотя он был арестован должностными лицами государства-участника, которое к тому же признало факт ареста. С другой стороны, из-за отсутствия юридической возможности обратиться в какую-либо судебную инстанцию после принятия Постановления № 06-01 Нур-Эддин Михуби и его семья по-прежнему не имеют доступа к эффективным средствам правовой защиты, поскольку в соответствии с этим постановлением любое обращение в суд в целях проведения разбирательства по таким тяжким преступлениям, как действия, приводящие к насильственным исчезновениям, запрещается под угрозой тюремного заключения¹⁹.

¹⁷ См. замечание общего порядка № 21 (1992 год) относительно статьи 10, пункт 3, и, в частности, сообщение № 1780/2008, *Ауабдия и др. против Алжира*, Соображения, принятые 22 марта 2011 года, пункт 7.8.

¹⁸ *Уаглисси против Алжира* (сноска 6 выше), пункт 7.8.

¹⁹ CCPR/C/DZA/CO/3, пункт 7.

7.11 Комитет далее отмечает, что семья Нур-Эддина Михуби начала процедуру его признания умершим, в результате которой 12 апреля 2007 года было выдано свидетельство об исчезновении потерпевшего в соответствии со статьей 27 и последующими статьями Постановления № 06-01, где предусмотрено, что после выдачи судебной полицией свидетельства об исчезновении суд по ходатайству правопреемников исчезнувшего лица может вынести решение о его признании умершим, дающее право на получение компенсации и исключающее любую иную форму возмещения ущерба (см. пункт 2.9 выше). Комитет отмечает, что для получения компенсации необходимо, чтобы семья исчезнувшего лица признала его умершим. Комитет напоминает, что государства несут обязательство по проведению углубленных и тщательных расследований по всем серьезным нарушениям прав человека, включая насильственные исчезновения, независимо от того, какие политические меры могут быть приняты для достижения "национального примирения". В частности, Комитет считает, что выплата компенсации не может ставиться в зависимость от наличия документа об объявлении исчезнувшего лица умершим, полученного в результате гражданской процедуры²⁰.

7.12 Учитывая вышеизложенное, Комитет делает вывод о том, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении пункта 3 статьи 2, рассматриваемого в совокупности со статьями 6, 7, 9, 10 и 16 Пакта – в отношении Нур-Эддина Михуби, и пункта 3 статьи 2, рассматриваемого в совокупности со статьями 7 Пакта – в отношении автора сообщения.

8. Действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Пакту, Комитет по правам человека констатирует, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении государством-участником статей 6, 7, 9, 10 и 16 и пункта 3 статьи 2 Пакта, рассматриваемого в совокупности со статьями 6, 7, 9, 10 и 16 Пакта в отношении Нур-Эддина Михуби. Кроме того, он констатирует нарушение статьи 7 и пункта 3 статьи 2, рассматриваемого в совокупности со статьями 7 Пакта, в отношении автора сообщения.

9. В соответствии с пунктом 3 статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить семье Нур-Эддина Михуби эффективное средство правовой защиты, в частности: а) провести углубленное и тщательное расследование по факту исчезновения Нур-Эддина Михуби; б) предоставить его семье подробную информацию о результатах своего расследования; с) немедленно освободить соответствующее лицо, если оно по-прежнему тайно содержится под стражей; d) в случае, если Нур-Эддин Михуби скончался, передать его останки семье; е) привлечь к ответственности, осудить и наказать лиц, виновных в совершенных нарушениях; и f) предоставить соответствующую компенсацию за допущенные нарушения семье Нур-Эддина Михуби, а также самому Нур-Эддину Михуби, если он еще жив. Несмотря на Постановление № 06-01, государству-участнику следует также позаботиться о том, чтобы не нарушать право на эффективное средство правовой защиты, принадлежащее жертвам таких преступлений, как пытки, внесудебные казни и насильственные исчезновения. Кроме того, государство-участник обязано принять меры для обеспечения того, чтобы аналогичные нарушения не повторялись в будущем.

10. С учетом того, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета определять наличие или отсутствие нарушений Пакта и что, согласно статье 2 Пакта, государство-

²⁰ См. сообщение № 1798/2008, *Азуз против Алжира*, Соображения, принятые 25 июля 2013 года, пункт 8.11.

участник обязалось обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам признаваемые в Пакте права и эффективные и имеющие исковую силу средства правовой защиты в случае установленного факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 180 дней информацию о мерах, принятых во исполнение настоящих соображений. Государству-участнику предлагается также обнародовать настоящие соображения и обеспечить их широкое распространение на официальных языках.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является французский. Впоследствии будет издано также на арабском, китайском и русском языках в качестве части ежегодного доклада Комитета Генеральной Ассамблее.]

Добавление

Особое мнение г-на Фабиана Омара Сальвиоли и г-на Виктора Мануэля Родригеса-Ресии

1. Мы согласны с решением Комитета и с теми выводами, к которым он пришел в результате рассмотрения дела *Михуби против Алжира* (сообщение № 1874/2009). При этом мы считаем, что Комитет должен был констатировать, что государство нарушило свое общее обязательство по пункту 2 статьи 2 Пакта, приняв Постановление № 06-01, ряд положений которого, в частности статья 46, явно противоречат положениям Пакта. Кроме того, Комитет должен был констатировать нарушение пункта 2 статьи 2, рассматриваемого в совокупности с другими существенными положениями Пакта. Что касается возмещения ущерба, то, по нашему мнению, Комитет должен был рекомендовать государству-участнику привести Постановление № 06-01 в соответствие с положениями Пакта. Наконец, мы убеждены в том, что возлагаемая на семью потерпевшего обязанность воспользоваться процедурой признания их исчезнувшего родственника умершим представляет собой жестокое и бесчеловечное обращение по смыслу статьи 7 Пакта и что Комитету следовало упомянуть об этом в своих соображениях.

2. В настоящее время среди членов Комитета имеются разногласия по вопросу о применении принципа *jura novit curia*, согласно которому тот или иной международный орган может свободно выбирать применимое право сообразно обстоятельствам дела и независимо от правовой аргументации, представленной сторонами.

3. Принцип *jura novit curia* применяется международными органами в течение почти ста лет: он был изначально введен Постоянной палатой международного правосудия, преемником которой стал Международный Суд²¹, а затем был заимствован Международным судом по правам человека²², соответствующая практика которого носит постоянный характер²³, а другие органы – такие, как Межамериканская комиссия и Межамериканский суд по правам человека²⁴ и Африканская комиссия по правам человека и народов²⁵, – в своей нынешней практике опираются на прецеденты, созданные этими двумя судебными органами.

²¹ *Affaire du "Lotus"*, Cour permanente de Justice internationale, 1927, série A, n° 10, p. 31.

²² *Handyside c. Royaume-Uni*, 7 décembre 1976, Cour européenne des droits de l'homme (CEDH), série A, n° 24, par. 41.

²³ *Powell et Rayner c. Royaume-Uni*, 21 février 1990, par. 29, CEDH, série A, n° 172; *Guerra et autres c. Italie*, 19 février 1998, par. 44, CEDH, *Recueil des arrêts et décisions 1998-I*; *Scoppola c. Italie* (2), [GC], n° 10249/03, par. 54, 17 septembre 2009; и более позднее дело *G. R. c. Pays-Bas*, n° 22251/07, par. 35 et 36, 10 janvier 2012.

²⁴ *Godínez Cruz c. Honduras*, arrêt du 20 janvier 1989, par. 172, Cour interaméricaine des droits de l'homme, série C, n° 5. Суд применял этот принцип во всех своих последующих постановлениях.

²⁵ См., например, дело *Antoine Bissangou c. République du Congo*, Commission africaine des droits de l'homme et des peuples, communication n° 253/2002 (2006), где заявитель утверждал, что он является жертвой нарушений статей 2, 3 и 21.2, а Комиссия сделала вывод о наличии нарушений статей 3, 7 и 14 Африканской хартии прав человека и народов.

4. В концепции, согласно которой принцип *jura novit curiae* не может применяться к сообщениям, представляемым Комитету, не учитывается тот факт, что в практике Комитета есть целый ряд примеров Соображений, когда Комитет явно применил статьи, на которые не ссылались стороны (принцип *jura novit curiae*); в наших предыдущих особых мнениях мы упомянули несколько таких дел²⁶.
5. Все вышеизложенное показывает, что принцип *jura novit curiae* является неотъемлемой частью практики международных судебных и квазисудебных органов как мирового (Организация Объединенных Наций), так и регионального (европейских, межамериканских и африканских) масштаба; Комитету по правам человека не следует отказываться от этой прерогативы и заменять ее видами практики, присущими национальным системам гражданского или общего права, логика которых коренным образом отличается от логики, лежащей в основе функционирования международных систем защиты прав человека.
6. Речь идет не о полезности и целесообразности: эти два критерия не должны приниматься во внимание в ходе работы того или иного международно-правозащитного органа; речь идет о корректном применении права. Точнее говоря, когда изложенные и установленные обстоятельства дела позволяют сделать вывод о наличии нарушения, Комитет должен поместить рассматриваемое дело в соответствующие правовые рамки.
7. Применяя принцип *jura novit curiae* наравне с международными правозащитными органами, Комитет будет формировать последовательную практику рассмотрения подтвержденных фактов аналогичного характера (что не только желательно, но и логично), а также сможет обходить ловушки, связанные с возможным политическим маневрированием заинтересованных сторон.
8. В данном случае целый ряд установленных фактов указывает на нарушения Пакта; Комитет верно определил несколько таких фактов, но не отнес к их числу принятие нормативного акта, не совместимого с Пактом (что является нарушением общего обязательства, которое возлагается на государство-участник в соответствии с пунктом 2 статьи 2 Пакта, и посягательством на ряд существенных прав).
9. Комитет нередко констатирует нарушения пункта 3 статьи 2 Пакта, что, впрочем, он сделал и в данном случае; нет ни одного подлинного правового мотива, который помешал бы ему применить аналогичное толкование к пункту 2 статьи 2.
10. Отсутствие адекватных правовых рамок не является вопросом чисто теоретического или научного характера; этот фактор влияет на принятие мер по

²⁶ Комитет по правам человека: сообщение № 1390/2005, *Кореба против Беларуси*, Соображения, принятые 25 октября 2010 года; сообщение № 1225/2003, *Эшонов против Узбекистана*, Соображения, принятые 22 июля 2010 года, пункт 8.3; сообщение № 1206/2003, *Р.М. и С.И. против Узбекистана*, Соображения, принятые 10 марта 2010 года, пункты 6.3 и 9.2, где Комитет сделал вывод об отсутствии нарушения; сообщение № 1520/2006, *Мвамба против Замбии*, Соображения, принятые 10 марта 2010 года; сообщение № 1320/2005, *Пиментель и др. против Филиппин*, Соображения, принятые 19 марта 2007 года, пункты 3 и 8.3; сообщение № 1177/2003, *Иломбе и Шандве против Демократической Республики Конго*, Соображения, принятые 17 марта 2006 года, пункты 5.5, 6.5 и 9.1; сообщение № 1044/2000, *Шукурова против Таджикистана*, Соображения, принятые 17 марта 2006 года, пункт 3; и сообщение № 973/2001, *Халилов против Таджикистана*, Соображения, принятые 30 марта 2005 года, пункт 3.7.

возмещению ущерба. И хотя в этой области за последние годы был достигнут осязаемый прогресс, формы такого возмещения, которые рекомендовались до настоящего времени в связи с делами данного типа, по нашему мнению, являются недостаточными. В рассмотренном случае Комитет не рекомендовал в качестве меры по возмещению ущерба приведение Постановления № 06-01 в соответствие с положениями Пакта, хотя это – неперемное условие для гарантии неповторения подобных деяний в будущем.

11. Наконец, Комитет должен был прямо указать, что признание исчезнувшего лица умершим, которое требуется от членов семьи этого лица для получения компенсации, представляет собой жестокое и бесчеловечное обращение и в силу этого является нарушением статьи 7 Пакта. Вместо этого Комитет счел, что такая ситуация равнозначна нарушению права на выплату компенсации жертвам нарушений прав человека, и сделал вывод о наличии нарушения пункта 3 статьи 2, рассматриваемого в совокупности со статьей 7 (пункты 7.11 и 7.12 Сообщений).

12. Автор ограничивается указанием о том, что семья начала процедуру объявления исчезнувшего лица умершим в соответствии с положениями Постановления № 06-01 (пункт 2.9 Сообщений), однако в этом случае она не жалуется на нарушение своих прав, поскольку не упоминает этот факт ни в жалобе, ни в своих комментариях относительно замечаний государства-участника.

13. Тем не менее – и мы вновь подчеркиваем это – Комитет рассматривает указанный факт с юридической точки зрения в пунктах 7.11 и 7.12, тем самым применяя в данном деле правовые нормы, которые не были упомянуты сторонами, что и представляет собой осуществление на практике принципа *jura novit curiae*.

14. Мы не возражаем против применения этого принципа к данной части сообщения, однако считаем, что с юридической точки зрения было бы целесообразнее считать предъявляемое к семье требование признать умершим одного из ее членов, ставшего жертвой насильственного исчезновения, нарушением статьи 7 Пакта, поскольку такое требование, бесспорно, представляет собой жестокое и бесчеловечное обращение.

[Составлено на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является испанский. Впоследствии будет издано также на арабском, китайском и русском языках в качестве части ежегодного доклада Комитета Генеральной Ассамблее.]

Особое мнение г-на Джеральда Ноймана

1. Я полностью поддерживаю соображения большинства членов Комитета в отношении настоящего сообщения, касающиеся как аспектов, по которым Комитет выразил свое мнение, так и аспектов, по которым он не высказался. Я выражаю здесь свое личное мнение для того, чтобы тем самым дать ясный ответ на своеобразную аргументацию гг. Сальвиоли и Родригеса-Ресии, изложенную в их особом мнении. В интересах краткости я буду исходить из того, что читатель знаком с Пактом и его толкованием, и не стану вдаваться в детали, которые были бы полезны для неискушенных читателей.

2. С 2009 года члены Комитета неоднократно составляли особые мнения, в которых призывали Комитет изменить свою традиционную практику и включить в свои Соображения возможные нарушения государствами-участниками пункта 2 статьи 2 Пакта. Согласно этим точкам зрения, речь могла бы идти о нарушении пункта 2 статьи 2, рассматриваемого отдельно, или о нарушении пункта 2 статьи 2, рассматриваемого в совокупности с каким-либо одним или несколькими другими правами, изложенными в статьях 6–27 Пакта.

3. Я полагаю, что аргументация, выдвинутая в обоих этих случаях, не дает четкого указания на практические выгоды, которые это изменение могло бы обеспечить для защиты прав человека.

4. Мне известно, что когда Межамериканский суд по правам человека констатирует нарушение существенных положений Межамериканской конвенции по правам человека, он обычно объединяет соответствующие статьи с пунктом 1 статьи 1 или со статьей 2 Конвенции (или с обоими этими положениями). Вероятно, у Межамериканского суда были свои причины для того, чтобы применить такой подход при вынесении своего первого постановления и чтобы с течением лет придерживаться этого подхода. В отличие от этого суда, Комитету по правам человека удалось с самых первых своих обсуждений непосредственно констатировать нарушения существенных положений Пакта без необходимости дополнительно ссылаться на пункты 1 или 2 статьи 2.

5. Если бы нынешняя практика Комитета в отношении пункта 2 статьи 2 не давала ему возможности установить, в какой степени определенные законы того или иного государства способствовали рассматриваемому нарушению, было бы целесообразно ее изменить. Однако, как явно следует из соображений, принятых в данном случае, Комитет вполне может рассматривать воздействие законов на судьбу потерпевших в представленном ему деле.

6. Если бы нынешняя практика Комитета в отношении пункта 2 статьи 2 не давала ему возможности рекомендовать государству-участнику изменить свою правовую систему, чтобы защитить потерпевшего или других лиц, находящихся в аналогичной ситуации, от новых нарушений, было бы целесообразно ее изменить. Однако, как явно следует из пункта 9 соображений, принятых в данном случае, Комитет вполне может выдвигать такие рекомендации. Я бы дополнительно отметил, что в основу формулировки рекомендации, фигурирующей в предпоследнем предложении пункта 9, заложен тщательный анализ положения в государстве-участнике, а не общая, абстрактная практика.

7. Как представляется, внесение изменений в практику Комитета не только не обеспечит выгод, но и будет иметь недостатки. Добавление чрезмерного количества выводов о наличии более абстрактных нарушений или формулировок типа "пункта 2 статьи 2, рассматриваемого в совокупности со статьями 6, 7 и 10 (пункт 1)" еще больше затруднит чтение соображений Комитета, формулировка

которых и без того довольно сложна. Кроме того, учитывая объем сообщений, поступающих в Комитет, и ограниченное время, выделенное ему для заседаний, проведение дискуссий по вопросу о том, следует ли констатировать нарушение пункта 2 статьи 2 в том или ином деле, потребует времени, которое Комитет мог бы посвятить другим, более полезным прениям, или помешает Комитету более оперативно выносить решения по сообщениям, чтобы сократить период ожидания для потерпевших.

8. Если предлагаемый подход направлен на то, чтобы Комитет констатировал нарушения пункта 2 статьи 2, рассматриваемого отдельно, то его принятие приведет к отказу от общей практики Комитета, согласно которой Комитет никогда не констатирует отдельных нарушений какого-либо пункта статьи 2 в рассматриваемых сообщениях. Эта практика помогает ему убедиться в том, что сообщения поступают от лиц, ставших жертвами конкретных посягательств на их определенные права, а не от лиц, приводящих абстрактные аргументы в знак протеста против того, как то или иное государство-участник применяет положения Пакта.

9. Следует также отметить, что авторы индивидуальных сообщений, рекомендуящие Комитету констатировать нарушение пункта 2 статьи 2, опираются при этом на широкое толкование принципа *jura novit curiæ*, согласно которому Комитет якобы обязан констатировать нарушения, вытекающие из представленных фактов, причем независимо от того, указывали ли на эти нарушения сами стороны. Я считаю, что Комитету следует применять этот принцип с осторожностью, когда речь идет об изменении формулировки жалоб, представленных авторами. В связи с пунктом 2 статьи 2 следовало бы также учесть тот факт, что законы государств-участников нередко составлены на языках, которыми члены Комитета не владеют, и что толкование какого-либо закона в целях его применения не всегда со всей очевидностью следует из текста этого закона. Сведения и аргументы сторон могут существенно помочь Комитету определить, в какой степени законы того или иного государства-участника могли способствовать совершению рассматриваемого нарушения и какие изменения могут потребоваться для приведения правовой системы этого государства-участника в соответствие с Пактом.

10. Кроме того, рекомендации о том, чтобы государство-участник внесло изменения в свое законодательство, как правило, влекут последствия для интересов третьих сторон, не имеющих возможности участвовать в рассмотрении сообщения. В отличие от Межамериканского суда по правам человека, Комитет связан нормами конфиденциальности, в силу которых широкая общественность не владеет информацией о рассматриваемых делах и, следовательно, не может заявлять иные точки зрения. К тому же, в отличие от Межамериканского суда, Комитет в ходе рассмотрения периодических докладов проводит в открытом режиме анализ законодательства и практики государств-участников. Я не хочу сказать, что анализ законов следует проводить только в рамках процедуры рассмотрения периодических докладов; мне лишь хотелось обратить внимание на различия, в силу которых Комитет может иметь основания для проявления большей осторожности при рассмотрении какого-либо закона в связи с тем или иным сообщением.

[Составлено на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии будет издано также на арабском, китайском и русском языках в качестве части ежегодного доклада Комитета Генеральной Ассамблее.]